

Юрий Афанасьев

Мы — не рабы?

«Особый путь» России: исторический бег на месте

«...Что касается до обстановки, то, не имея ничего сказать против гадов, преследующих сзади, ни даже против просвета, который всегда как-то по штату полагается, я бы, на месте художника, и по ту сторону просвета устроил встречу гадов. Ибо и это тоже по штату полагается. Вообще это было бы полное изображение отечественного прогресса с непрерывно идущими гадами и с прогрессом в форме генерала от инфантерии или действительного тайного советника».

М.Е. Салтыков-Щедрин

В последние месяцы мы стали свидетелями действий российской власти, которые на первый взгляд кажутся парадоксальными. Отмечу некоторые важнейшие из них:

— Впервые после вывода советской армии из Афганистана российские вооруженные силы начали и закончили «настоящую», не «холодную» войну за пределами государственных границ (в Грузии).

— Впервые после краха СССР в Латинскую Америку полетели стратегические бомбардировщики наших ВВС и ушли корабли нашего ВМФ.

— Возврат к риторике «холодной войны» дошел до той точки, когда министр иностранных дел России в беседе с иностранным (британским) коллегой использовал нецензурную лексику.

— Российские корабли воевали в Черном море против Грузии, базируясь на Севастополь, вопреки запрету президента Украины на их перемещение без уведомления украинской стороны.

— Премьер-министр Путин использовал против Чехии и Польши атомный шантаж — хотя бы и в свойственной ему «специальной», чекистской, многозначительной и как-бы-загадочной манере: «Я не могу себе представить, если против этих радаров...».

— На фоне вопиющей и углубляющейся имущественной поляризации населения страны почти на 30 % увеличен военный бюджет.

— Президент России приветствовал избрание нового президента США обещанием разместить в Калининградской области ракеты, угрожающие европейским союзникам США.

Все это выглядит именно как парадоксы. Век-то на дворе нынче — ядерный.

Однако все подобные, никак не вписывающиеся в современность события можно объяснить и совсем не парадоксально. Только объяснение в таком случае, на мой взгляд, будет еще более мрачным и тревожным, чем «вроде бы парадоксы» — чем реальность, как бы окутанная туманом.

Если посмотреть на происходящее у нас на глазах: а) реалистически, б) рационально, в) ретроспективно — и не просто с оглядкой назад, но с обозрением очень большой временной продолжительности, то открывается такое...

Такое, что невольно начнешь задумываться прежде всего о себе самом: то ли ты уже сошел с ума, то ли все еще на пути к безумию.

Если же эти мысли покажутся слишком страшными или странными и удастся благодаря уверенности в своей психике их как-то отбросить, тогда ощутишь нечто не менее ужасное — почувствуешь вокруг себя пустоту.

Многоликая и беспощадная пустота

Не абсолютную пустоту, конечно же. Хотя и очень редко, но все-таки встречаются отдельные люди, которые видят происходящее примерно так же, как ты. Они для меня как светлячки. По ним я пытаюсь ориентироваться в нашем мраке.

Но и тогда ощущение пустоты не покидает, потому что исходит оно, это ощущение, не откуда-то из одного источника — например, со стороны власти. Будь так, казалось бы, можно как-то развеять мрак, хотя бы поняв и объяснив для себя — что вполне возможно — самые мрачные действия властей. Однако и проясненные в подобном смысле они не избавляют от ощущения пустоты, потому что не знаешь, что делать с этим пониманием. Если додумать до конца и воспринимать их адекватно, такие действия становятся в полной мере понятными и объяснимыми только как действия власти чужой по отношению к народу: власти оккупационной, «ордынской», да к тому же еще нелегитимной и криминальной (то есть, говоря по-русски, незаконной и преступной). Даже когда есть полная уверенность и вполне устоявшиеся убеждения на сей счет, подкрепленные фактами, всем ходом развития событий, куда дальше обратиться с таким пониманием? Казалось бы, вполне понятно куда: не к власти же — к народу.

Но ощущение пустоты исходит и от самых широких «народных масс», против которых направлены мрачные действия властей. Они, «массы», не просто молчаливо переносят действия властей, а начинают в последнее время с энтузиазмом поддерживать их, как было уже, например, в 30-х годах прошлого века.

Ко всему прочему, мы знаем, что тот же самый феномен энтузиазма народных масс — когда ими вовсю манипулируют и над ними же издеваются — неоднократно случался у нас и еще раньше: например, накануне Первой мировой войны и сразу после нее. Тогда народ и большевики тоже оказались вместе настолько, что до сих пор не вполне ясно, кто из них кого тогда больше поддерживал и кто кого куда-то двигал. Зато хорошо известен итог (пока еще промежуточный) этого продолжительного и смертоносного для обеих сторон единения — 91-й год.

При всем том мы знаем также, что русский народ никогда не воспринимал государство как нечто «свое» и нормальным ответом на государственное принуждение с его (народа) стороны всегда были хитрость, уловка, обход закона. Внешне смиряясь, демонстрируя власти покорность, народ всегда держал дулю в кармане. Подобные внешние признаки смирения и покорности воспринимались (и воспринимаются) как привычка к терпению, а такую привычку можно, при желании, истолковать и как поддержку власти с его (народа) стороны.

Сейчас тоже налицо вроде бы всенародная поддержка Путина и его президента. Упорно и прискорбно повторяющийся на русской почве феномен «Народ и власть — едины» означает, что никакие они не власть и не народ в современном рациональном понимании данных категорий. Нашу сомнительную власть в этом смысле я уже упомянул, а народ наш по-прежнему не стал народом — субъектом истории, но остается народом — ее массой, толпой истории. Лишь в последние 18–20 лет аморфная, атомизированная русско-советская масса начала структурироваться, но, увы, не на гражданской, а на кланово-преступной основе. Кому-то такое понимание обидно, кто-то спекулирует на откровениях подобного рода о своем народе: дескать, «ты никогда не достучишься к нему с такими своими мыслями о нем». Я и это понимаю, и потому говорю об исходящей отсюда тоже пустоте.

Народ наш за многие века перенес такие муки, какие, еще по Карамзину, «терпеть без подлости невозможно». Отсюда — хитрость, уловки и двойная мораль. Но тогда, в конце XVIII века, Карамзин не мог знать, что главные муки и их развращающие нравственные последствия у русского народа еще впереди. Периодически мы возбуждались против невыносимых мук и против власти и раз в столетие справляли праздник «дикой воли» с Разиным, Пугачевым или с Лениным, а потом снова надолго погружались со своим кукишем в кармане в ставшее привычным скотское существование. Кто-то с радостью, а кто-то с цинизмом принимал наши периодические возбуждения за пробуждение. А наш народ и в муках своих, и в своих бесшабашных протестах, и в диком гневе своем оставался и остается народом-массой, толпой, достойной сочувствия и тихой горести, а иногда — страшной и омерзительной. Потому и достучаться до него в его постоянной бессознательности и перманентной готовности к бунту смогли только такие люди, как Ленин—Сталин, теперь — Ельцин—Путин, а в обозримом будущем, не исключено, смогут достучаться и такие, как Жириновский—Лимонов.

Наконец, это ощущение пустоты уже не просто замыкается в кольцо, но производит впечатление сплошного замкнутого шарообразного пространства, когда пытаешься вникнуть в совокупный современный дискурс нашей творческой и иной интеллигенции и уловить ее голос, гражданскую позицию. Здесь, конечно, много очень разного и тоже, конечно, встречаются, хотя и очень редкие,

светлячки. Для меня, например, сегодня один из них — Алексей Герман. Но и такие светлячки — скорее свет во тьме, как его трактуют в Священном писании: то ли он пробьется сквозь тьму, то ли тьма поглотит его. Второе, увы, бывало в нашей истории. Уже в наше время — после убийства Дмитрия Холодова, Татьяны Юдиной, Галины Старовойтовой, Сергея Юшенкова, Юрия Щекочихина, Анны Политковской, Магомеда Евлоева, после привлечения к суду «за экстремизм» Андрея Пионтковского, после зверского избияния Михаила Бекетова — с этой стороны повеяло еще большей пустотой.

В целом же, если воспринимать позиции наших современников-интеллектуалов не разрозненно, но попытаться услышать их как сводный голос некоего «этоса», отличный от других, то ощущение пустоты, исходящее от власти и от населения, только еще усиливаются. Говоря предельно кратко и определено, наши интеллектуалы сегодня (не считая отдельных исключительных личностей, которых можно пересчитать по пальцам) — на стороне российской власти, а не населения России. Думаю, что и население наше до сих пор остается населением, а не стало народом главным образом именно по этой причине.

Может быть, ощущение пустоты, исходящее от нынешней нашей интеллигенции, еще больше сгущается, накладываясь на более чем вековую традицию. Хотя эта традиция существует в реальности и во многом, если не в основном, объясняет общий рисунок нашей истории, о ней не принято говорить во весь голос и писать как о реальности, додуманной до конца. Сама данная проблема — «традиция русской интеллигентности» — в этом смысле тоже как бы уходит в пустоту, покрывается мглой.

И это тоже неслучайно, и у ощущения пустоты, в том числе и у пустоты, основанной на традиции, есть свои причины и их объяснения.

Между свободой и империей

Я говорю о традиции отношения к власти русской интеллигенции в том ее виде, как эта традиция сформировалась еще до 1917 г. Она происходит из сосуществования и противоборства двух культур в одной России. Эти две культуры были настолько разными в социальном и духовном отношениях, что уже в XVIII веке они даже заговорили на разных языках и между ними выросла стена полного взаимного непонимания. В таких условиях русские интеллектуалы (и русская интеллигенция) за всю их историю как некой социальной общности — включая и тех из них, кто составляет «наше все», к кому вполне применим эпитет «либеральный», — не просто были строителями русской власти, но и, как правило, были на ее стороне, а не с российскими народами. Притом что власть, в строительстве которой они участвовали, оставалась по сути своей самодержавной, а то и самодержавно-деспотической, можно представить себе, почему данная проблема — «Просвещенная Россия и русская Власть» — незаметна во всей нашей историографии при рассмотрении отечественных традиций.

Но если сюда добавить еще и как, и чем объясняется общий рисунок истории России, тогда традиция русской интеллигенции, о которой идет речь, проясняется и актуализируется в еще большей степени. С той поры, когда в XV веке Москва избрала для себя дорогу построения православной империи, приоритетом страны на пять столетий вперед стала внешняя территориальная экспансия, но не обустройство внутреннего пространства. А поскольку создание империи проходило всегда на скудном экономическом основании, вектор общего движения определился в направлении от свободы к рабству: из населения надо было выжимать насильем все соки. Этот вектор не поменялся до сих пор, и такая его продолжительная неизменность, превратившаяся в своего рода гнетущее национальное задание, определила все главные особенности русского своеобразия, в том числе и приоритет государства и подавленность личности.

Определяя другими словами ту же традицию — «Интеллигенция на стороне власти», — можно сказать и так: это традиция расщепленности русского духа между свободой и империей, между русской волей и русской властью.

Еще более определенно высказался наш замечательный историк, философ и публицист Георгий Федотов. Он отметил, что после Пушкина «разрыв империи и свободы в русском сознании совершился бесповоротно. <...> Люди, которые строили или поддерживали империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали империю. Этого самоубийственного разлада

— духа и силы — не могла выдержать монархическая государственность. Тяжкий обвал императорской России есть прежде всего следствие этого внутреннего рака, ее разъедавшего».

Для него Пушкин был «певцом империи и свободы» — так называлась статья, помещенная в сборнике «Империя и свобода», которую я здесь цитирую. По мнению Федотова, «Пушкин, строитель русской империи, никогда не мог сбросить со счетов русской, хотя бы и дикой воли». Но «...чаемый им синтез империи и свободы не осуществился — даже в его творчестве, еще менее в русской жизни...».

«Конечно, Пушкин, — пишет Федотов, — не политик и не всегда сводит концы с концами. Есть у него грехи и прегрешения против свободы — и даже довольно тяжкие». Но «никогда сознательно Пушкин не переходил в стан врагов свободы и не становился певцом реакции. В конце концов, кн. Вяземский был совершенно прав, назвав политическое направление зрелого Пушкина «свободным консерватизмом». С именем свободы на устах Пушкин и умер: политической свободы в своем «Памятнике», духовной в стихах к жене о «покое и воле».

Говоря о грехах и прегрешениях Пушкина против свободы, Федотов ссылается, в частности, на выраженное им удовлетворение по поводу закрытия журнала Полевого, на защиту цензуры в антирадищевских «Мыслях по дороге». Эволюция взглядов Пушкина в направлении консерватизма сопровождалась неравномерным его отношением к свободе и к империи. Федотов особо подчеркивает, что если свобода у Пушкина менялась в своем содержании, тема империи оставалась неизменной — это константа его творчества. В такой константе и сила, лад, строй государства, и две антипольские оды, и мрачный восторг перед завоевателями Кавказа, и все то, что вызывало гневный протест П.А. Вяземского и И.А. Тургенева, протест, выраженный в словах: «Пушкин окровавил стихи своей повести <...> Поэзия — не союзница палачей; политике они могут быть нужны, — и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни».

Однако главный смысл империи для Пушкина все в том же общем рисунке русской участи, о котором я уже упоминал: в противостоянии «государство — личность — народ». Евгений в «Медном всаднике» — не личность, а несчастная жертва, человек из толпы, гибнущий между двух начал русской жизни: или под копытами коня империи, или в волнах разбушевавшейся народной стихии.

В этой дилемме Пушкин сделал свой выбор. Он — сеятель свободы, но он — за империю, потому что осознал бесполезность своих и общих усилий:

Но потерял я только время.

Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!

Вас не разбудит чести клич.

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Чтобы понять до конца выбор, сделанный Пушкиным, надо иметь в виду, что он относится к первой половине XIX века, а многие мысли поэта и его переживания по поводу империи и свободы продолжают еще из века восемнадцатого. Тогда свободолюбивая, демократическая мысль только нарождалась вместе с Чаадаевым, Белинским, Герценом — а Пушкина окружала консервативная, свободоненавистническая Россия. Она создавала ту политическую и духовную атмосферу, в которой Пушкин и дышал, и задыхался в последние годы своей жизни. Дышал, потому что оказался в гармонии с основным и мощным потоком русской мысли от Карамзина к Погодину, с глубоким и органически выросшим национально-консервативным течением. Это течение, овеванное общим духом романтизма и основанное на изысканиях и создании словаря Даля, на песнях Киреевского, на народных сказках самого Пушкина. А задыхался, потому что оставался служащим и певцом империи, преследуемым ею же до конца за свой неистребимый дух свободы.

Я взял в союзники Георгия Федотова, чтобы с его участием — участием человека, уже пережившего революции и мировые войны XX века, — на примере Пушкина как одной из вершин русской мысли и русского духа вернуться в наше сегодня с той же проблемой: «империя — свобода — личность». И с вопросом о том, как она разрешается сейчас в головах и практике тех людей, которые, казалось бы, в силу их ремесла призваны олицетворять мысли и дух России и определять ее будущее уже в XXI веке.

Повторю: вместе с этим вопросом поневоле проваливаешься в пустоту — в том смысле, что созвучие своим мыслям здесь встречаешь лишь в исключительных случаях от людей, многих из которых эта же власть уже уничтожила. Сегодня просвещенная, интеллектуальная Россия, если попытаться определить ее доминирующий и повсюду звучащий голос, ее общественную позицию, она, позиция нашего «мыслящего класса», полностью совпадает с позицией нынешней власти. Писатели, люди науки, театральные и кинорежиссеры, журналисты печатных и электронных СМИ, университетская профессура, иерархи РПЦ не просто молчаливо и страдательно переносят нашу власть — они ее оправдывают, поддерживают, пытаются обосновать ее действия теоретическими изысканиями, историческими традициями, своим пониманием нравственных ценностей.

У холопов собственная гордость

В подтверждение можно было бы привести длинные списки книжных и газетных публикаций, почти целиком всю сетку телевидения, назвать утверждаемые в последнее время самой же властью школьные и вузовские учебники. Я сошлюсь лишь на один (специальный) номер: «Пять веков империи» журнала «Эксперт» от 31 декабря 2007 г. Этот журнал в последнее время становится своего рода барометром движения мысли правящих верхов и обслуживающей власть интеллектуальной элиты.

Редакционная статья «Непростая судьба империи» кардинально подвергает сомнению демократическую перспективу России: «Эта форма правления вообще весьма уязвима, нестабильна, и если в обществе не существует консенсуса по поводу того, что стране нужна именно демократия, то в принципе невозможна. Нереально поддерживать демократический режим, если многочисленные и влиятельные слои общества ставят своей целью его разрушение».

Оно бы все ничего — можно, конечно, усомниться и в пригодности демократии для России... Если бы то, что предлагают в качестве альтернативы, не вызывало не просто сомнения, но, по меньшей мере, настораживающее изумление.

Из статьи того же номера «Россия — пессимистам»: «Территориальная экспансия доминировала в русском взгляде на освоение мира. Но это не повод посыпать голову пеплом. То великое государство, которое построили наши предки, ничуть не меньший повод для гордости, чем швейцарские часы, французская кухня или итальянское искусство эпохи Ренессанса. И точно так же как подобные достижения других народов сегодня составляют не только предмет их гордости, но и источник дохода, российские пространства с их несметными богатствами и стратегическим положением сегодня окупаются для нас сторицей.

То же можно сказать и о нашем умении ладить с соседями, а если надо — воевать.

Умение исподволь навязывать свою политическую культуру и искусство изучать чужую культуру и принимать ее как свою — из того же ряда.

Она принимала всякого, кто готов был стать ее частью, всякого, кто готов был ей служить.

В этом для подданных России выражалась свобода. Если для польского шляхтича свобода выражалась в праве не подчиняться, а для английского лорда — в праве контролировать, на какие цели идут уплаченные им налоги, то для русского дворянина свобода выражалась в возможности принимать участие в великом строительстве империи. И рассудите, у кого было больше свободы — у поляка, чье неподчинение, чей гонор ни на что, в общем-то, не влияли, или у русского, чья готовность служить делала его сотворцом мировой истории?

И разве «несвободные» Курчатов и Королев были несвободны — по большому, по историческому счету?»

Вот такие ценностные ориентиры, таково мировидение у нынешних наших интеллектуалов, объединяющихся на идейной основе журнала «Эксперт». Те же мотивы отчетливо прочитываются и во всей внутренней и международной политике российской власти. Для всех для них получается, что условие свободы «по большому историческому счету» — ГУЛАГ, а величайшим вкладом России в мировую цивилизацию, по сравнению со всеми другими странами, стали ее имперская сущность и результаты ее пятивековой экспансии.

Снова невольно приходит на память Пушкин — с «Дубровским» (1832–1833): «Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря Бога и барина, не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее».

Разумеется, былая территориальная экспансия — не повод посыпать сегодня голову пеплом. Прошедшее как таковое вообще не предназначено ни для гордости, ни для стыда. Оно — для осмысления и понимания. В постоянных усилиях извлечь смыслы из фактов и событий прошлого каждый отдельный человек и общество в целом обретают себя, свою идентичность.

Если строго следовать логике и фактам и на этой основе постигать сущее, а следовательно, и обретать смысл в истории, то надо констатировать: в готовности служить и принимать участие в строительстве империи выразилась не свобода русского дворянина, а его холопская принужденность. То есть совершенная его несвобода.

Не требует ни осуждения, ни оправдания тот факт, что когда Ивану III в конце XV века для охраны границ становящегося очень большим государства и для завоевания новых территорий потребовалась большая регулярная армия, а денег на ее содержание не было, нашли решение: на основе условного землевладения создали конное войско. Эти конники стали тем сословием дворян, которое и закрепостили первым. За ними закрепили землю, а за право владеть землей их лишили права выбора. Они не могли поменять хозяина, которому обязаны были служить, и не могли по своему усмотрению заниматься каким-то другим делом, кроме того, которому обязаны были служить. Несколько позднее за помещиками закрепили, кроме земли, крестьян и закрепостили этих крестьян, так же как прежде закрепостили помещиков. Русский дворянин, таким образом, становился несвободным дважды: сверху — обязанностью служить государству — и снизу — необходимостью существовать и нести службу за счет крепостных крестьян, за счет своей «крещеной собственности», как их тогда называли.

Утверждение о том, что «для русского дворянина свобода выражалась в готовности служить, в возможности принимать участие в великом строительстве империи», можно было бы рассматривать как своего рода ключ, раскрывающий отношение к прошлому вообще и к русским историческим традициям в частности тех интеллектуалов, которые группируются вокруг журнала «Эксперт». Будучи «национально-мыслящими» и «патриотически-озабоченными», как они себя именуют, они еще, кроме того, претендуют на новаторство и строгую научность. «Для выработки единого взгляда на историю, — гласит редакционная статья, — необходим новый, неидеологизированный подход. Конечно, совсем избавиться от влияния идеологии при изучении истории страны нельзя — создание «канонической версии», даже со всеми допустимыми вариациями, без определенной идейной позиции невозможно. Но конъюнктурная политизация совершенно недопустима».

Последние события, некоторые из которых я перечислил в самом начале как парадоксы, на самом деле, если их продумать до конца, оборачиваются не просто страшной, но ужасающей реальностью. И ощущение пустоты, в которую вроде бы проваливаешься, не встречая понимания и не видя адекватной реакции с той стороны, куда смотришь, сменяется видением отчетливых контуров того сооружения из свершений путинской внутренней и международной политики, про которое можно лишь сказать — не хотелось бы верить своим глазам.

Гитлеровский и сталинский нацизмы, надо заметить, разглядели тоже не сразу, а их опасность ощутили, когда было уже слишком поздно, — к тому же до сих пор ощутили еще далеко не все и не до конца.

Цитируемый здесь специальный номер журнала «Эксперт — лишь один из многочисленных индикаторов, по которым можно составить представление о замахе путинской стратегии на разворот к политике царской России и Советского Союза. Таким же индикатором, воплощением «канонической версии» нашей истории стал изданный уже массовым тиражом школьный учебник. В этом же ряду — специальный номер журнала «Профиль» № 34 за 2008 г. «Собрать державу».

Авторы «Эксперта», претендующие на строгую научность и недопустимость конъюнктурной политизации, пишут: «История Российской империи не так уж отличается от истории других европейских империй. Во многом она была даже гуманнее. Но в любом случае у России не было выбора — быть империей или быть «нормальным европейским демократическим государством». Был выбор — быть империей или быть колонией».

Про то, что «она была даже гуманнее», надо оставить на совести авторов, особенно если учесть, что история Российской империи и в 1917 году не заканчивается.

Про то, что «не было выбора», следует отнести туда же. Вся наша жизнь — и каждого человека, и любой страны — постоянный, непрерывный выбор. Постигание смысла истории — в отыскании ответа, почему сделан именно такой выбор, а не другой, реально возможный как иной путь.

Но допустим даже, что при анализе всех обстоятельств «за» и «против» того или другого выбора, при анализе по всем правилам «строгой научности» и совершенно без «конъюнктурной политизации» мы пришли к выводу: да, «не было выбора». Значит ли это, что нужно — с откатом назад и с опорой на все наши традиции — продолжать тот путь, по которому мы пришли в наше сегодня? Не забывая при этом, что промежуточными точками на этом пути стали 1917, 1991 и 2008 годы?

Судя по всему происходящему в стране, судя по направлению полета господствующей мысли — надо продолжать.

Россия снова перед выбором: то ли все то, что уже довольно отчетливо просматривается в окружающей нас реальности — ордынско-византийский политический курс властвования, традиционная русская геополитика, советское мессианство, всепоглощающая коррупция и путинская зачистка политического пространства России. То ли...

Я совсем не уверен, что у нас есть время для размышлений о каких-то альтернативах. Тем более для их реализации.

Блуждание по кругу истории. «На круги своя» по-русски

Если на войну России против Грузии посмотреть:

— сначала в связи с другими важнейшими событиями российской внутренней и внешней политики последних 8–10 лет: ликвидацией выборов, судебной системы, независимых СМИ, политических партий, оскотлением законодательной власти, превращением правоохранительных органов в репрессивные и преступные и т. д., галопирующей во главе с высшей властью коррупцией, громкими нераскрытыми убийствами, обострением отношений с сопредельными (и не только) странами;

— а потом в перспективе очень большой временной продолжительности — как на очередной эпизод нескончаемой в столетиях вереницы наших аннексионистских войн (и усугубляющейся в результате подобных войн несвободой внутри страны);

то момент пересечения этих двух линий зафиксировывает очень важное явление: возврат современной России на круги своя, ее возвращение в русскую и советскую колею.

Что это значит — «возврат современной России на круги своя, ее возвращение в русскую и советскую колею»?

Во-первых, о самом понятии «русская колея». В том же смысле говорят и пишут про «Русскую систему» (например, А.И. Фурсов и Ю.С. Пивоваров), про «русскую (православную) цивилизацию» (Арнольд Тойнби, славянофилы, евразийцы 1920-х годов, современные «почвенники» и «патриоты»), про «матрицу русской неизменяемости» и т. п. Подобные слова требуют пояснения на предмет их значения в текстах, претендующих на «научность». Они скорее допустимы здесь лишь как некий оборот речи, как стремление что-то специально «сгустить» с целью сделать более понятным то, о чем идет речь. И допустимы лишь при условии, что читателю или слушателю понятна условность таких слов, наличие в них не свойственных человеческому сообществу механистичности, фатальной неизбежности, запрограммированности — то есть всего того, что прочитывается в этих словах, если их воспринимать буквально. По существу, употребляя эти или схожие термины, имеют в виду что-то между «архетипом», «структурой» и «системой» — чтобы сказать одним словом сразу и о какой-то организации, о соотносительности множества самых разных составляющих, и в то же время о долговременности такой их организации, о ее продолжительной неподвластности времени. (В научных категориях то же самое выражают как *La langue duree*.)

Во-вторых, надо хотя бы вкратце сказать о конкретном содержании, заключенном в данных понятиях. О том, что именно и как создает эту самую «колею», эти повторяемость, неизменность, многовековую структурную стабильность — эту постоянно изменяющуюся неизменность. Но поскольку «вкратце», то есть буквально в нескольких словах об этом сказать нельзя, укажу лишь на некоторые, может быть, наиболее важные из составляющих, образующих это понятие:

само расположение России в мире (сегодня его называют «геополитическим») и размеры ее территории; характеристика ее земель и почв; плотность, состав и динамика населения и, наконец, тип русской Власти. Но пока что я перечислил, так сказать, объективные, материальные, «вещественные» и институциональные составляющие, из которых потом складывается понятие «колеи». Не будучи одухотворенными, они просто-напросто некая данность и как таковая мертвы, никакой повторяемости, никакого круговращения из них не получится. Столь же важными, если не важнейшими, стали для «колеи» составляющие из сферы духовной: русское православие, мессианство и экспансионизм, привычки людей, их мировидение. Все вместе эти составляющие, постоянно переплетаясь, взаимодействуя, изменяясь (иногда до неузнаваемости), составляющие материальные и духовные, объективные и субъективные торили ту самую «русскую колею», на которую мы вроде бы вернулись сегодня.

В-третьих, про «возвращение» на круги своя, в ту же самую русскую и советскую колею.

Говоря о «возвращении», мы предполагаем, что уже несколько раз — или, по крайней мере, хотя бы однажды — когда-то выходили из того места, куда снова возвращаемся. С обычным возвращением оно все так и бывает. Но здесь речь идет не о возвращении «как обычно», а именно о возвращении «по-русски». У нас, оказывается, можно лишь «вроде бы» вернуться. На самом деле «вернуться» по-нашему означает всего-навсего оказаться снова там, откуда, если присмотреться, никогда и не уходили.

Возвратных (попятных) движений в нашей истории, как и в любой другой, было несчетное множество: от реформ к контрреформам, от эпохи перемен к «застою», от «заморозков» к «оттепели».

Но у нас все продвижения при этом шли по тому же следу, в том же направлении. Собственно, это и есть то пятисотлетнее движение, которое, например, Чаадаев и Бердяев называли не продвижением вперед, а блужданием по кругу истории. Было несколько случаев, когда Россия в ходе такого своего исторического движения оказывалась как бы на пересечении двух дорог, идущих в разных направлениях, по одной из которых, казалось бы, можно было сойти с проторенного раньше пути.

С такого перекрестка, собственно, и начиналась история России как единого государства. Александр Зимин дал прекрасный образ «Витязя на распутье», который, казалось бы, мог еще пойти из удельной Руси в более свободную Россию. Но у «витязя» не хватило сил выбраться из тех скреп (насилие власти и подданство народа), что уже тогда сковали социум. И «витязь» пошел все той же дорогой — дорогой русского самодержавия, к которому вскоре добавилось крепостничество. Из переплетения этих двух базовых составляющих и получилась, в конце концов, «русская колея», она же — несвобода.

Истребленное общество. «Избиение младенцев» по-русски

Но самым красноречивым, самым, можно сказать, блистательным примером «вроде бы» поворота в нашей истории — даже не просто примером «вроде бы» выхода, но якобы грандиозным «исходом из колеи» — стал, конечно, 1917 г. Точнее — период с 1917-го до начала 1930-х годов. Тогда «вроде бы» не только вышли из нее, но и радикально порвали со всем тем прошлым, в котором она образовалась и по которому проходила. Вроде бы не только «до основанья» разрушили, но и выкорчевали все, на чем эта самая колея прокладывалась. Замах и замысел были действительно грандиозными: не только изменить общественное устройство страны, для чего предполагалось неизбежным и вполне естественным уничтожить миллионы одних и возвеличить миллионы других. Планировали еще отобрать у одних и передать другим все, что сложилось на тот момент как национальное достояние России. Замахнулись даже — для начала в пределах одной страны, а потом как получится — переделать вместе с общественным устройством, отношениями собственности и самого человека, составить его из заранее предусмотренных, «правильных и необходимых» для реализации Замысла качеств.

К сожалению, до сих пор не в полной мере и, к еще большему сожалению, очень немногие в России осознают, что же такое в действительности произошло в Советском Союзе. Что на самом деле случилось в том процессе, который потом обобщенно называли «построением социализма».

На самом деле, если отбросить идеологическое и политическое словесное сопровождение, случилась попытка — чудовищная по своему реальному содержанию и по размаху — воплотить

все тот же мессианский замысел о Москве как о Третьем Риме и о России, предназначенной стать «Царством Небесным» на земле. Конечно, называлось все снова совсем по-другому.

Можно было бы о реальном содержании замысла и о размахе его реализации в данном случае специально не говорить. Но тогда останутся не до конца проясненными и главные сюжеты нашего разговора: «возвращение», «колея», «Русская система». Следовательно, останется нераскрытой и полная мера исторической ответственности за поворот в «русскую колею», лежащей на нынешних руководителях России и на всем поколении ныне живущих, кто слепо поддерживает выбор данных руководителей, — выбор, в какой-то мере продуманный, но не осмысленный.

Обычно, когда хотят сказать о самом страшном из всего, что произошло с Советским Союзом в XX веке, говорят о войне и о сталинских «репрессиях». Так уж отпечаталось в коллективной памяти представление о жертвах, которые нашему народу пришлось положить на алтарь отечества. Жертвами сталинских «репрессий» в этой памяти оказались те многие миллионы, которые попали в ГУЛАГ или были уничтожены, еще не дойдя до него, в ходе «мирного» «социалистического строительства». И эти жертвы — правда. Но только далеко не вся и, может быть даже, не основная правда.

Для Гитлера окончательным решением «еврейского вопроса» стало полное — поголовное — истребление евреев.

Для Сталина окончательным решением вопроса о «построении социализма» стало полное, повсеместное истребление социальности как таковой. Истребление социальности как выраставшей веками и накопившейся к XX столетию социальной дифференциации в российском людском сообществе, представленном на тот момент крестьянами, ремесленниками, торговцами, рабочими, людьми свободных профессий. А также — купеческими гильдиями, трудовыми артелями, ремесленными товариществами, церковными приходами, сельскими общинами, писательскими объединениями. Сталин, продолжая дело Ленина, добился окончательного решения «социального вопроса»: социальность как некий живой, очеловеченный слой земли на всей территории СССР, как некий человеческий гумус была полностью уничтожена. Вместо нее «партия и правительство» искусственно, рукотворно создали совершенно другой, выхолощенный советский социум исключительно из служащих государства, оплачиваемых по единому на всю страну государственному тарифу. Крестьянин и артист, земля и театр в статусном смысле уравнивались: они в одинаковой мере перешли в полную собственность государства как «совокупные ресурсы». Различие между людьми и вещами осталось лишь в том, что они попадали в разные категории ресурсов. Если одни зачислялись в трудовые, людские, административные, то другие — в материальные, финансовые, энергетические... Но те и другие оставались всегда всего лишь ресурсами, они одинаково: в цифрах, в тоннах, гектарах и человеко-днях — приписывались, планировались, закладывались, распределялись, перевозились, переселялись, а когда надо, и резервировались. Люди не имели ни прав, ни возможностей добровольно менять место работы — у каждого была трудовая книжка, а опоздания на работу или прогулы карались уголовным преследованием. Человек не имел права и возможности добровольно менять место жительства — каждого «прикрепили» постоянной пропиской. Крестьяне — они составляли больше половины всего населения — не имели вообще никаких прав и никаких возможностей, они не могли даже на несколько дней стронуться с места: у них вообще не было паспортов.

Построение социализма, если все назвать своими словами, а не «коллективизацией, индустриализацией и культурной революцией», — это реализованный замысел уничтожения всего человеческого во всем общественном устройстве. Это создание искусственного советского социума. Это глубокое травмирование всего российского (советского) людского сообщества.

А теперь вернемся к тому же вопросу. Что перетянет по своему значению и по удручающим последствиям: миллионы сгинувших жертв сталинского террора или еще большие миллионы, оставшиеся навсегда нравственно изуродованными?

Главным последствием, основным результатом ликвидации российского социума, который и до 1917 г. был до крайности хрупким, слабо структурированным, не обретшим своих институтов, стала еще большая его атомизация и хаотизация: каждый сделался сам по себе, на коротком поводке полной зависимости от государства. Поводок-зарплата, лучше сказать, жалованье, на

которые в городе не проживешь, а в деревне вместо зарплаты — «палочка»-трудодень, ничем вообще не обеспеченный.

При отсутствии права в качестве основы для общественной организации и при неистребимом у человека стремлении к выживанию таким основанием, или, иначе говоря, конституирующим типом связей между людьми, становится самоорганизация. После истребления нормальных, эволюционным путем наработанных форм социальной организации и институтов самоорганизация вполне естественно развивается в обход устанавливаемых запретов и в конце концов утверждается в виде всеобщей («системной», как теперь любят неосмысленно повторять) преступности и коррупции.

С ликвидацией социальности в том ее виде, в каком она сформировалась в России к XX веку, строители социализма пробудили и вызвали к жизни все самое худшее, что есть в человеке и что составляет его природную основу, — его животные инстинкты и эгоизм

И теперь снова тот же вопрос, но теперь уже именно в такой формулировке, с которой неизбежно оказываешься в пустоте, зияющей оттуда, откуда я уже указал: от власти, народа и «мыслящего класса», — то есть, по существу, в полной пустоте. Если все, что проделали под названием «построение социализма», совсем не предназначалось разбудить в человеке зверя (примем разбуженное зверство как побочный, непредусмотренный и нежеланный продукт), тогда что же было в качестве путеводной звезды, заветной цели? Светлое будущее? Счастье для всех, «кисельные берега»? Для многих, даже для большинства привыкших жить нерассуждающим разумом, так оно и было. Традиционалистское, мифологическое мышление остается не только основой, но и всем содержанием их сознания.

Ну, а Сталин — как он, каковы его устремления при этом? Традиционализм и мифологический способ мышления были не чужды и ему. Более того, все писавшие о присущей большевизму мировоззренческой религиозности, бесспорно, имели для этого серьезные основания. Речь даже не о религиозности — как, например, для Ленина с его телеологическим мировидением вообще и своеобразными представлениями о мессианской предназначенности России в частности. У Сталина общие, свойственные христианству в целом религиозные представления конкретизировались как православные. Он уже мыслил Советский Союз как продолжение линии, идущей от Москвы еще той поры, когда она, во времена Великого княжества Московского, только что встала на путь строительства русской православной империи и, продолжаясь дальше через Московское царство, петербургскую Империю, пришла к его, сталинскому, Советскому Союзу. Сталин, безусловно, хорошо знал идеи русских самодержцев, представлял, как каждый из них видел будущее России, как каждый из них, начиная с Ивана III, видел ее «миссию», «божественное предназначение». Ему, конечно, были хорошо знакомы и конкретные планы на сей счет: например, проекты Сперанского, «греческий проект» Екатерины II, проекты Уварова, выраженные в формуле «православие — самодержавие — народность», проекты Александра II, Витте, Столыпина. Во всех перечисленных конструкциях не просто так или иначе присутствует идея «Москва — Третий Рим» — они все основаны на ней. Иногда, правда (как например, в «греческом проекте» Екатерины), она приходит в Москву напрямую из античности. Но главным в этой идее всегда были не ее истоки, а целеполагание: Москва как спасительница христианской веры и как место воплощения Царствия Небесного — а также указание главных путей, ведущих к достижению заявленной цели: Балканы, Проливы, Константинополь, Индия.

Вовсе не случайно с этой пронизывающей всю нашу историю идеей — даже более определенно: с идеей, делающей осмысленной всю нашу историю, — я связываю и такую грандиозную (в том числе по своим последствиям) проблему, как ликвидация российской социальности и создание на ее месте искусственного советского социума.

Дело в том, повторюсь, что вся наша история — история внешнеполитических аннексий вместо внутреннего обустройства. А поскольку ресурсов на такую непрекращающуюся аннексию всегда не хватало, власть выбивала их из страны силой. Когда требуется выбить буквально все, что есть, нужна не только огромная сила, но еще и абсолютное подавление любого недовольства и сопротивления. Вот откуда принципиальное: государство, а не личность. Отсюда же — самодержавие, крепостничество, ордынство, империя...

Но все-таки, когда есть социальные сообщества — крестьяне, рабочие, — всегда останется основа для сопротивления. Сталин впервые в мировой практике находит кардинальное решение и

данной проблемы: не налаживать отношения с различными социальными сообществами, не вступать даже с ними в какие бы то ни было отношения, а просто-напросто ликвидировать сами эти социальные сообщества и превратить всю страну в страну одиночек, напрямую и абсолютно зависимых от государства. Тогда исчезают самая потребность и принципиальная возможность каких бы то ни было объединений, политических партий, профсоюзов. А когда отношения между государством и человеком насильственно и произвольно устанавливаются напрямую как отношения господства и подчинения, отпадает и самая потребность в правовом регулировании таких отношений. Суды становятся принципиально ненужными, ненужной — так же принципиально — становится и политика.

В ходе НЭПа Сталин убедился: сделать такой рывок (у его эпитона Мао — «Великий скачок»), на который у других ушли многие десятилетия или несколько столетий, за несколько лет с таким народом, как в России, нельзя. Не менее ясно ему было, что схватка с другими субъектами мировой политики неизбежна: государство, замешенное на мессианской идее, без конфронтации и решающей ошибки с другими немислимо. Следовательно, для Сталина рывок все-таки был необходим — любой ценой, иначе смерть такому государству. И он решил, чтобы рывок все-таки сделать, — заменить народ.

Рывок получился, а замену народа потом нарекли «построением социализма».

Исходная точка. Magna Charta и Яса Чингисхана

Характер и тип русской власти — столь же важный системообразующий элемент «русской колеи», как вечная война, сопровождаемая постоянной и повседневной милитаризацией, и как православие. Говоря современным языком, на одной стороне своей визитной карточки наша власть могла бы написать «насилие», а на оборотной — «оккупация», поскольку относится к населению собственной страны как к чужому, оккупированному. На становлении и утверждении такого типа власти на Руси, а потом и в России сказалось многосотлетнее, если не многотысячелетнее соседство на огромных просторах нашей прародины двух разных культур — «Леса» и «Степи», кочевого скотоводства и оседлости, воинов и хлебопашцев, а также феномен, вошедший в историю под названием Золотой Орды. В итоге контактов этих двух очень разных типов культур, после многочисленных войн и обоюдных заимствований, после противоборств, заговоров, измен, покорений и завоеваний сначала в Московии, а затем в России оказался более конкурентоспособным и восторжествовал тот тип власти, который принесли с собой кочевые народы — скотоводы и воины. Подобный тип власти следовало бы определить как ордынский: он столь круто замешен именно на нашей отечественной истории, что стал нашим. Ему, кроме упомянутых записей на визитке, неотъемлемо присущи моносубъектность (то есть самовластие), монолог вместо диалога, низменный диктат вместо переговоров, незнание компромисса, неприемлемость соглашения, договора как средства общения и, наконец, манихейство — отсутствие того, что Н. Бердяев называл «серединой культурой».

Расхождение Европы и России по двум цивилизационным направлениям, о котором как об историческом явлении заговорили на языке науки в XIX веке, началось много раньше. С некоторой долей условности можно сказать, что начала подобного процесса надо искать еще на протороссийском пространстве, а последствия его в виде двух разных направлений социальной динамики просматриваются уже с тех времен, когда на этом пространстве соседствовали Русь Литовская и Русь Московская. Их сосуществование и соперничество завершились — под влиянием Орды и ордынства — победой Московии и формированием на ее основе России.

Если предельно кратко определить главное, что различает эти два направления, то в одном случае им будет зарождение, а потом продолжительное становление свободы личности, а в другом — становление такого социума, в котором пространство для зарождения и становления личности неуклонно сужалось.

В одном случае — английские Magna Charta Libertatum («Великая хартия вольностей») и Habeas Corpus Act, в другом — «Великая Яса» Чингисхана. В одном случае — первичность личности и общества, в другом — государства и других институций. Вытекающие отсюда цивилизационные оппозиции можно перечислять дальше до бесконечности: демократия против авторитаризма, соглашение против насилия, диалог против моноцентризма, договор против произвола, горизонтальные связи в обществе против вертикали власти и т. п.

Magna Charta датируется 1214 г. (то есть она была подписана за два десятилетия до вторжения Батые на Русь). Целая группа свобод защищает в английском праве личность от государства. Свобода от произвольного ареста и наказания, от оскорбления, грабежа и насилия со стороны органов власти определяет содержание конституционных гарантий, за которые велась многовековая борьба с монархией. Такие гарантии нашли свое выражение в акте-символе, известном как Habeas Corpus.

Свою «Великую Ясу» Чингисхан обнародовал в 1206 г. Свод законов, определивший жизнь Орды, содержал преимущественно перечень наказаний за тяжкие преступления, а буквально «яса» означает по-монгольски «запрет».

Если ко всему этому добавить: утвердившийся и господствующий в России тип мыслительных привычек и стереотипов; тип социальной динамики, который нацеливает человека и конкретно-исторические человеческие сообщества преимущественно на воспроизводство ранее сформировавшихся ценностей, устремляет эти сообщества к идеалам прошлого, к господству прошлого над настоящим и будущим (и в культуре, и в социальных отношениях), — если учесть все это, а также и другие архетипические свойства русской культуры, то, может быть, сегодняшний разворот страны в ее русское и советское прошлое обретет хотя бы некоторое культурологическое, а не только сугубо конъюнктурное, обусловленное интересами путинской власти прагматическое объяснение?

Или другой, казалось бы, более отдаленный от культурологи вопрос: почему никак не получается диалог России и Европы о нашем с ней общем или совместном будущем?

Потому что мы озабочены совершенно разными реалиями и к тому же озабочены ими совершенно по-разному.

Разумеется, и в Европе не все озабочены и думают одинаково и исключительно об одном и том же — иначе у нее не было бы проблем со своей идентичностью. Евросоюз в последние годы расширился в два раза, его члены по-разному смотрят на европейскую перспективу, в частности, Турции и вообще на критерии «европейскости». «Старая Европа» непросто принимает «новую», едва-едва идет процесс выработки европейской Конституции и т. д. Тогда что же значит «о разном и по-разному» для нас и для Европы?

Европа переживает в первую очередь опыт, кризис и уроки XX века: европейские революции и распад колониальных империй, экономические кризисы, две мировые войны и локальные войны, «холодная война» и Карибский кризис. Словом, предмет европейской озабоченности — конфронтации, конфликты и, главное, способы их преодоления. Отсюда для Европы главный вопрос и основное направление поиска: из сегодня в будущее и — как жить вместе. Россия, однако, никак не может пережить окончание XX века, собственную «геополитическую катастрофу», распад СССР, и главные вопросы для нас: как не допустить дальнейшего расплзания постсоветского пространства (включая собственно российское) и как обрести свое былое — то же «лидерство» России, но уже в современном мире. То есть Россия, как и Европа, озабочена реалиями прошлого, но если Европа озабочена тем, как преодолеть реалии европейского прошлого, как от них уйти, то Россия — тем, как к реалиям «войны миров» вернуться, как их обрести в новых условиях.

Слепые поводыри слепых

Как ни парадоксально для начала XXI века, Россия до сих пор не обрела себя как людское сообщество. Даже выйдя из непостижимо ужасного для нас XX столетия, потеряв в нем насильственно вычеркнутыми из жизни десятки миллионов (по некоторым подсчетам — около ста миллионов!), мы покинули и его, не распрощавшись с ним.

Не поняли, не осознали, не ужаснулись.

И это немудрено. Поскольку уцелевшим и вновь нарождающимся миллионам на всем российском пространстве для самостоятельной жизнедеятельности к XXI веку вообще уже не осталось места. Все просторы России за пять столетий войны самодержавия с собственным населением превратились в сплошное пространство власти. В таких условиях обретать себя, осознавать себя оказалось уже некому. Людское сообщество, как некая живая субстанция, лишено какой бы то ни было самостоятельности и субъектности, в нем уничтожена сама способность к рефлексии. Моносубъектом стала власть. Но и она, будучи инородной субстанцией по отношению

к населению, оказалась способной лишь действовать, но не осознавать себя и свои действия. То есть в качестве моносубъекта в социуме власть может действовать и продолжает действовать, до сих пор руководствуясь лишь нерассуждающим разумом.

В самом конце XX века волею судеб, а не по причине чьей-либо субъективной воли, советская власть рухнула из-за своей трухлявости, и Советский Союз развалился из-за своей неестественной, ставшей совсем неуправляемой громоздкости. У России снова появился исторический шанс.

Именно исторический, потому что в России никогда раньше не было гражданского общества и никогда не было политической жизни. Они случались иногда в качестве зачатков, на переломах истории, и то лишь как кратковременные эпизоды, как возможные антиподы самодержавия. Но поскольку в качестве нормы для «Русской системы» они были не нужны, эта система и воспринимала их всегда чем-то чужеродным, и следовательно, предвестием грядущей беды. **Неслучайно первый такой перелом в начале XVII века, когда едва только обозначились первые образования гражданского общества и начиналось нечто, издавна похожее на политику, вошел в русскую историю под названием «Смута». С тех пор так и повелось: любые внесистемные явления и уж тем более, не приведи господь, противосистемные воспринимаются еще на подсознательном уровне всеми внутри Системы как кара небесная, как разбушевавшаяся стихия.** В «Медном всаднике» у Пушкина — это Нева, вышедшая из своих берегов и ворвавшаяся в не принадлежащее ей и не предназначенное для нее пространство. У Гершензона в «Вехах», как и у всей русской интеллигенции начала XX века — это гнетущее, внушающее смертельный ужас ощущение пропасти, отделяющей ее от народа: «Между нами и нашим народом — иная рознь. Мы для него — не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Для Солженицына — тоже для человека Системы — начинавшиеся в конце 80-х — начале 90-х годов политическая жизнь и образования гражданского общества ассоциировались с «балаганными одеждами» Февраля семнадцатого, к которому он, в свою очередь, как к явлению русской истории относился с негодованием и брезгливостью. Для сегодняшних наших системных «либералов» самая ужасная перспектива — по-настоящему свободные выборы: ведь в результате таких выборов, если их допустить, к власти, по мнению «либералов», непременно придут левые.

Все эти примеры из разных времен объединяются единым временем существования «Русской системы», для которой гражданское общество и политика — бедственная стихия, внушающая страх и тревогу. Эти примеры свидетельствуют об одном и том же: будучи включенным в Систему, человек — хоть президент, хоть научный консультант или рядовой обыватель — не может быть свободным. А расщепленность духа у включенного в систему человека предстает как оторванность его сознания от его жизни. Условия существования человека, внешние обстоятельства жизни сковывают его настолько, что он становится всецело поглощенным этими внешними по отношению к нему обстоятельствами, и ему уже не до самосознания, не до постижения и разумного определения своего места в жизни и своего отношения к окружающему миру.

Неслучайно исторический шанс, выпавший на долю России в конце 80-х — начале 90-х годов, оказался всецело упущенным. А шанс вырваться из проторенной столетиями колеи и освободиться, наконец, от сдавливающей страну самодержавной матрицы властвования был.

Участникам событий того времени не только не удалось необходимые для продвижения в этом направлении целенаправленные действия — они не смогли даже осмыслить и понять, что же на самом деле тогда происходило. Тем не менее те события были объявлены пришедшими к власти с Ельциным «демократической революцией». Себя новые руководители определили, разумеется, «демократами», «либералами», а для страны объявили начало новой эры в ее истории. Все подобные определения, самоидентификации и декларации нашли в той или иной мере отражение в различных законодательных актах, в том числе в Конституции: они приобрели как бы официальный статус, юридическое оформление. Были осуществлены и некоторые конкретные

шаги — главным образом, в сферах экономики, финансов, технологий. Иначе говоря, реальные перемены произошли лишь в малом числе областей непосредственного обеспечения жизни, но вовсе не затронули сами основания общественного устройства. Они совсем не коснулись сущности главного системообразующего элемента российского устройства — власти, ее роли, конструкции, функций и основных ее опор насилия и репрессий: армии, судебной власти, правоохранительных органов, политической полиции, системы образования и т. д. Власть по-прежнему, как в советские и досоветские времена, по своей сути оставалась ордынской, никак не зависящей от населения, не уравновешенной и не контролируемой никакими общественными силами или институтами, руководствующейся лишь собственными материальными интересами и стремлением к самосохранению.

Вместе с тем все происходившее тогда, несмотря на реальное содержание, мыслилось и преподносилось общественному мнению в парадигме перехода от советского тоталитаризма (авторитаризма, диктатуры) к демократическому государству. До населения России с гордостью доводили западную ориентацию новой власти, необходимость вестернизации страны и утверждали, что таким образом Россия якобы вписывается в общий, присущий всем странам Центральной и Восточной Европы переход к представительной демократии, гражданскому обществу и к рыночной экономике.

Неосознанность действий властной элиты и неосмысленность происходящих событий, включая передачу власти Ельциным его наследнику Путину, выразились, в частности, в том, что, непрестанно декларируя свой демократизм и провозглашая либеральные ценности, наша властная «элита» фактически — хотя бы и преимущественно инстинктивно и совершенно не артикулировано — действовала всецело и исключительно в интересах бывшей советской бюрократии, занявшей и после крушения советской власти ключевые позиции в общественном устройстве. Внешне, на поверхностный взгляд, и даже формально, «новая» «элита» пришла к власти на основе всеобщей поддержки в результате всенародных выборов. Она оказалась на гребне мощной волны, всколыхнувшей общество во время «перестройки», когда российские люди, в очередной раз погрузившись в глубокий кризис материальных невзгод и нравственных переживаний, испытали страстное желание порвать с прошлым, выйти из состояния постоянного безденежья, пустых прилавков и унылой повседневности. С этими своими ощущениями мы оказались на улицах и площадях в состоянии поголовной эйфории, воодушевленные предстоящими изменениями, полные энтузиазма и надежд. И проголосовали за Ельцина.

Но уже и тогда не мы правили бал. И всенародный флер, и всеобщее «волеизъявление» стали не результатом осознанных действий общественно организованных людей, не воплощенной волей свободного человека, а скорее ритуальными движениями человека-массы, которому надо быть непременно со всеми вместе, думать, как все, выкрикивать одни и те же лозунги и непременно на виду у всех. В таком своем качестве — как толпа (и я там был...) — мы оказались в конце 80-х — начале 90-х годов ширмой, за которой крот истории глубоко и давно уже копал свои ходы.

Во второй половине 80-х и в 1990 г. были приняты одно за другим настолько важные правительственные решения, что в ходе их реализации существенно поменялся социально-экономический и, как выяснилось позднее, весь нравственно-правовой — опять же лучше сказать, бесправный — пейзаж СССР. Но сказать столь же определенно о направленности данных перемен, об общем векторе продвижения всего, что было заключено в границах всей их громадины, тем более попытаться подвести их общий экономический, политический, нравственный итог, хотя бы и в самом общем виде: это все-таки был плюс или сплошной минус? — довольно сложно. Не потому сложно, что непонятно, а, наоборот, потому что очень даже понятно, но настолько мрачно и даже непристойно, что назвать все своими именами и адресовать всему людскому сообществу, хотя бы и на одной шестой, отдельно взятой части земли, — язык не поворачивается.

В самом общем определении речь идет о продвижении от очень плохого к худшему и о создании основ того самого общественного устройства, которому посвящена вся эта статья. Окончательно сформировавшись в первом десятилетии XXI века, оно уже заняло свое место в мире. И таким местом стало пространство не только за гранью закона и преступления, но за гранью Добра и Зла. Получился принципиально новый общественный феномен не только с точки зрения государственности, но также с точки зрения экономики, права и морали.

А творился подобный оригинальный феномен с участием миллионов, даже десятков миллионов наших сограждан. Собственно, здесь-то и проблема. Казалось, что порочность советского социума — уже была запредельна. Но то, что выросло с середины 80-х по сей день, стало очередным свидетельством: нет предела совершенству, и дальнейшее продвижение к худшему тоже возможно. Однако даже и такой парадокс не есть свидетельство природной испорченности человека — он лишь еще одно из проявлений рукотворно изуродованной — сталинизмом — социальности. Чтобы это стало понятным, приходится вникать в детали. Дьявол, как обычно, — в них.

Основными решениями, заложившими фундамент нового общественного устройства, стали следующие: закон об индивидуальной трудовой деятельности (ноябрь 1986 г.), постановления Совета министров о кооперативной деятельности (февраль 1987 г.), Закон о государственном предприятии (июнь 1987 г.), Закон о кооперации (май 1988 г.), основы законодательства об аренде (ноябрь 1989 г.). Несколько позже, в 1990-м — но все еще тоже при коммунистах — появились законы о собственности (в марте в СССР и в декабре — в РСФСР) и положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью (постановление Совмина СССР от 19 июня 1990 г.), а также о предприятиях и предпринимательской деятельности (российский закон, принятый 25 декабря 1990 г.). В апреле 1990 г. учреждается Московская товарно-сырьевая биржа (с 16 октября 1990 г. — Российская товарно-сырьевая); в мае 1990 г. была зарегистрирована Московская товарная биржа.

Все эти законы и постановления никаких даже деклараций о каких бы то ни было изменениях общественного устройства, разумеется, не содержали. Они вроде бы ограничивались тем, что позволяли руководителям предприятий и инициативным людям осваивать новые способы хозяйствования в рамках вполне еще социалистической экономической системы.

По сути дела, предлагалось не менять отношения собственности, то есть отношения хозяйственной, экономической власти. Самым смелым из всех нововведений была аренда. Но и она оставалась лишь «расширением самостоятельности», «полным хозрасчетом», а говоря нормальным языком — продолжением старого пути, когда реальный и полномочный хозяин собственности (отраслевое ведомство) разрешает определенные вольности своему наемному работнику — трудовому коллективу.

И кооперация конца 80-х — вроде бы совсем еще никакая не приватизация. Кооперативы стали создавать из числа работающих по найму на государственных предприятиях, но на основе арендуемой государственной собственности тех же предприятий. А самые кардинальные вопросы: что означает «на основе»? на кого возлагаются проблемы инвестирования? как и между кем распределяются доходы и прибыль? — никто юридически не прояснил. Так закладывалась база для поголовного и практически узаконенного воровства.

Именно подобная непроясненность оказалась сутью всех перечисленных решений. Очень быстро, уже к 1990 г., огромная сеть «вроде бы» кооперативов стала на самом деле средством фактической приватизации и растаскивания государственной собственности при квазизаконном оформлении данных процессов. Между кооперативами, директорами предприятий, руководителями министерств и ведомств очень быстро наладились устойчивые неформальные связи и взаимоотношения, и кооперативы вместе с арендой превратились в узаконенный способ обналичивания бюджетных денег. Возникла среда для формирования всевозможных автономных «схем», закрытых клановых образований, мафиозных группировок. Фактически решения власти санкционировали структурирование населения на криминальной основе.

Самым тяжелым по своим последствиям оказался Закон о предприятии, он фактически ликвидировал государственные способы капитализации прибыли до создания каких-либо альтернативных. Его результатом стала серия необратимых и взаимосвязанных явлений и событий: непомерный рост личных доходов, инвестиционный голод и истоки инфляционного взрыва. Пиком реализации Закона о предприятии стали выборы директоров. Инфляционный эффект данной меры, вылившейся в перекачку средств из фондов накопления в фонды потребления, с инвестиционного рынка на потребительский, трудно переоценить. Введение Закона о предприятии еще долго сказывалось и в кризисе неплатежей, и в раскручивании инфляционной спирали.

Теперь, когда спустя двадцать лет не только становятся очевидными ошибочность и принципиальная недостаточность принятых тогда решений, но высвечиваются и все ужасающие последствия допущенных ошибок, приходится все больше задумываться об их причинах, о

мотивах и образе мыслей людей, принимавших столь пагубные решения. И первое, что приходит в голову, — избитый штамп: некомпетентность партийно-государственной элиты того времени, ее неграмотность, нежелание прислушиваться к «высоколобым» ученым мужам. Сыграли свою роль и уникальность ситуации, никогда и нигде невиданные масштабы кризиса, многослойность, комплексность, взаимопереплетение экономического, социального, национального. Все это так, и все это, безусловно, усугубило ошибочность принятых решений. Однако это не исчерпывающие и, скорее всего, даже не главные причины: с Ельциным пришли к власти и принимали решения самые что ни на есть «высоколобые» и вроде бы очень неплохо образованные люди, а ошибочность их решений по размаху и удручающим последствиям, по крайней мере, вполне сопоставима с тем, что делала полуграмотная и некомпетентная в финансовых вопросах номенклатура КПСС в 80-е. Нет, дело все-таки не в недостаточном профессионализме — особенно если учесть, что специалистов по всеобщему благу не бывает и быть не может.

Причины пагубных решений надо искать в неумении тогдашних руководителей нестандартно думать в нестандартных условиях, то есть просто-напросто в неумении думать вообще. А это, в свою очередь, тоже одно из важных следствий (если не важнейшее) сталинской десоциализации общества посредством истребления творчески мыслящих интеллектуалов. К тому же истреблением интеллектуального гумуса дело не ограничилось. За годы сталинских и прочих пятилеток на месте истребленной почвы была создана особая среда, в которой выросла умелая, весьма даже способная плеяда «правильно мыслящих» интеллектуалов-специалистов. Вот они-то и принимали отягощенные такими последствиями решения.

Государственных руководителей 80-х и 90-х годов, как, впрочем, и сегодняшних, несмотря на вроде бы радикальные перемены политических декораций в данном временном промежутке, в подобном смысле роднят и делают совершенно однотипными в одинаковой мере присущие им всем два основных качества — правовой нигилизм и аморальность. *Salus revolutiae suprema lex.*[2] А вот уж «благо революции» они понимают всяк на свой вкус...

Любые решения, любые деяния властей во все рассматриваемое время можно разбирать, перебирая по косточкам все их экономические, геополитические, патриотические и прочие соображения и обоснования, но всегда если не на поверхности, то на доньшке откроются эти два родовых их качества, объясняющие все до конца. Именно они, такие качества, стали преступной основой самих властей и создали необходимую среду для криминализации всего социума.

Российская власть и российский «мыслящий класс» (вместе с обслуживающей «творческой интеллигенцией»), как становится все более очевидным, сделали сегодня исторический выбор. Этот выбор — разворот (не по форме, разумеется, а по существу, как некий вектор) в русское и советское прошлое: туда, где не было личности, где всё и вся подавлялось государством, где не было места политике, гражданскому обществу, праву, частной собственности, свободе. Такой разворот неизбежно приведет Россию к очередной и теперь, скорее всего, последней катастрофе. Движение в прошлое — хотя бы и «светлое», как устремленность к какому-то идеалу, — без движения в будущее долговременным и благополучным не бывает.

Конец «сырьевой сверхдержавы». Или просто — конец?.

Все вышеизложенное — размышления об исторической ответственности, которую, хотели они того или нет, возложили на себя Ельцин и Путин в согласии с большинством ныне живущих, когда:

— сначала оттягивали не терпящие отлагательств преобразования российской и советской традиционности и тем самым не использовали возможность для России выйти из ее исторической колеи;

— потом обеспечили нерасчлененность и приватизацию власти и собственности — включая недра земли — советской номенклатурой, ее родственниками, знакомыми и знакомыми знакомых и тем самым заложили основания корпоративного (олигархического, патримониального) государства.

Наконец, уже в путинские времена, правящие круги снова уверовали (или прикидываются, что уверовали) — нефтедоллары ударили в голову — в нереализованную «особость» нашей державы и решили (не декларируя, правда, этого открыто и членораздельно), что Россия по-прежнему наделена некоей «миссией», что она по праву претендует на вселенскую роль, а потому должна не

только восстановить свое влияние на постсоветском пространстве, но и приступить к формированию единого фронта всех альтернативных антиамериканских сил во всем мире, включая исламские страны, включая какие-то страны континентальной Европы, Китай, Латинскую Америку, а также страны Азии и Африки. Только с учетом подобной — еще не объявленной, но уже ставшей реальностью — стратегии становятся объяснимы важнейшие внешнеполитические демарши России последнего времени в ближнем и дальнем зарубежье.

Здесь надо сделать важную оговорку: существенное различие между прошлыми и нынешними русскими империалистами, по-моему, состоит в том, что прошлые — включая, вероятно, Сталина — отождествляли с империей себя лично: как помазанников Божьих либо как персонифицированную глобальную коммунистическую идею, — и, соответственно, искренне претендовали на глобальную роль России. Нынешних же «Государство Российское» интересует только как инструмент воровства: во всероссийском, а лучше глобальном объеме, — и они совершенно точно знают, что все их претензии на глобальную роль только имитация или даже просто блеф. А цель настоящего блефа — всего-навсего обмануть партнера по игре в покер, как этот покер ни называй, хоть мировым рынком.

Тем не менее — независимо от того, искренняя она и или циничная, — такая стратегия потребовала разворота и внутри страны. Он был осуществлен, но его последствия до сих пор не осмыслены и не просчитаны, а потому и расплата за него всей стране предстоит очень жестокая.

Здесь снова приходится ловить себя на слове. Убежден, не у меня одного по-прежнему осталась путаница в голове — мы смешиваем то, что в нашей жизни всего лишь декларируется, объявляется как уже сделанное, преподносится как уже воплощенное, и то, что «на самом деле». (Культурологи, говоря про полный уход зрителя и читателя от окружающей жизни в вымышленный мир фильма или книги, употребляют термин «вторая реальность».) Снова убеждаешься: до сих пор есть Россия видимостей и есть Россия сущностей. Я только что сам написал слова «стратегия», «разворот» — как если бы то, что стоит за каждым из них, было или есть в действительности. А это вовсе не так, и не просто в каких-то мелочах. Подобное «не так» проходит по всему живому телу России — по тому, что от него еще осталось, — и затрагивает буквально каждого из нас.

Не было никакой демократической революции в 91-м. Грандиозное крушение социально-политического монстра и свой персональный приход к власти в ходе или в результате такого крушения можно, конечно, объявить какой угодно революцией.

Не было никогда никаких ни демократов, ни либералов у власти в 90-х. Ельцин — никакой не демократ, и Чубайс с Гайдаром — никакие не либералы. Они все и иже с ними духовно, интеллектуально, нравственно — продолжение и воплощение советской номенклатуры.

И никакого транзита из русско-советского авторитаризма к европейским демократиям тоже не было. Вместо продвижения по восходящей, которое как бы подразумевается здесь под словом «переход», в России продолжается — как убедительно показывают наиболее вдумчивые исследователи (в частности, социологи из Левада-центра) — разложение русской и советской системы властвования и деградация искусственно созданного сталинского социума. Однако переход, с одной стороны, к более высокой и сложной социальной организации, а с другой — разложение ранее существовавшей архаичной системы — две принципиально разные траектории социально-политической динамики и нравственно-психологического состояния общественного целого. Это такая же по сути своей разница, как если бы на погребальной службе вместо полагающегося в таком случае «за упокой» священник вдруг грянул бы, не видя происходящего, не ведая, куда он попал, «во здравие».

Вместе с тем хотя Переход — с заглавной буквы — к демократиям западного типа и не вписывается в основную парадигму постсоветской динамики России, оснований, для того чтобы осмыслить и концептуально переформулировать весь комплекс проблем, относящихся именно к российскому типу динамики постсоветского времени, более чем достаточно.

Прежде всего подобный тип социальной динамики принципиально нельзя увидеть и понять, глядя на него в упор, в отрыве от советского и от досоветского российского прошлого. Континуум, непрерывность здесь столь же важны, как и умение на основе прерывности рассмотреть приходящее, единичное, неповторимое. Иначе говоря, важно зафиксировать момент встречи: а)

реалий из многовековой русской истории, б) реалий из ее «укороченного» советского столетия — со всеми теми реалиями, что пришли в нашу жизнь с «лихими девяностыми». Кроме того, данный тип социальной динамики можно рассмотреть и понять только как совокупность социального, экономического, политического, психологического и исторического. Социологу, например, или экономисту одному (если он в то же время не социальный психолог) здесь делать нечего.

Содержание и направленность постсоветской социальной динамики определяется тем, что на момент крушения Советского Союза в России не было институтов гражданского общества и не было их политической организации. И что особенно важно подчеркнуть, не было и осмысления самого факта отсутствия подобного типа институтов и их соответствующей организации. При допущении, а потом (после 91-го года) и легализации институтов рыночной экономики, частной собственности, при ликвидации железного занавеса произошло наложение таких современных социально-экономических институтов на традиционалистскую политико-административную «Русскую систему», а дальше события стали развиваться самотеком, стихийно. Развивались они именно туда, куда они и могли развиваться стихийно и самотеком: в сторону примитивизации и архаизации всех общественных отношений и государственного устройства. В итоге на сегодня уже довольно отчетливо вырисовываются основные (хотя и весьма расплывчатые) очертания этого почти двадцатилетнего соединения несоединимого — не то мутант, не то химера. «Два в одном» — корпорация-государство и патримониальное государство. Причем слово «государство» фигурирует в данном случае сразу во всех его российских смыслах: и правительство, и власть во всех ее видах, включая судебную, и страна, режим, общественное устройство, и даже собственно Россия.

Корпорация-государство проявляется в том, что национальные, социальные и экономические интересы всей страны сложившееся образование ставит в зависимость от ведомственных, корпоративных интересов. **Приоритетом номер один становится — не национальная безопасность, не социальная обустроенность, не здоровье людей, а — частная прибыль корпоративного капитала.** Превращая власть и собственность в нерасчлененную субстанцию и приватизируя их в такой их нерасчлененности, корпорация-государство со всей его административно-аппаратной мощью, со всеми его министерствами и ведомствами превращается в насильственную инстанцию, становится по существу еще и корпоративно-репрессивным государством.

Патримониальность нашего государства выражается в том, что именно на российской почве наиболее наглядно сбылось предвидение Макса Вебера: Россия стала страной воплощенного «капитализма родственников и друзей» (*crony capitalism*), при котором власть передается по наследству. Государственная машина в еще большей мере, чем советская, насквозь пронизана связями между этими самыми родственниками и друзьями, для которых государственная служба означает в первую голову реализацию своей частной собственности. Основными источниками доходов нашего патримониального чиновничества становится не жалованье, не оклад, а доход от капитализации их формально-бюрократических функций. На всем постсоветском пространстве наиболее наглядно, можно сказать, плакатно-выразительно, «патримониальные султанистские» (термин М. Вебера) правления представлены в Закавказье и в Средней Азии — в частности, в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Туркмении, где некоторые персоналистские режимы и диктатуры уже объявили себя властвующими навечно. Но и в России вектор социально-политической динамики устанавливается в том же направлении. Он просматривался уже в переходе Ельцин—Путин и совершенно раскрывается как в телодвижениях Путин—Медведев—Путин, так и в только что принятых решениях о продлении законных сроков работы президента и парламента. Никакой загадочности и таинственности во всех этих вроде бы хитросплетениях и срочностях нет. Они — лишь проявления озабоченности нынешних наших держателей власти и капитала своей собственной незаменимостью и вечностью. То же самое происходит и на региональном уровне. Если Лужков и Шаймиев заговорили вдруг о необходимости вернуться к выборности губернаторов, только безнадежно испорченный наивностью может усмотреть здесь их неожиданно проснувшийся якобы глубоко укорененный демократизм. Они прекрасно знают, во что они превратили выборы, и еще больше, чем «федералы», пекутся о своей несменяемости. Никак нельзя им расстаться с властью-собственностью. Только по наследству и желателно только после смерти.

Но, пожалуй, главное, что заслуживает особого совокупного внимания в данном типе социальной динамики, — уникальное, как мне кажется, соотношение власти и населения, сформировавшееся за всю историю русской цивилизации и доведенное до предельного состояния в его специфике именно в постсоветское время. Тот факт, что «спецслужбы» и «органы» оказались на самой вершине властной пирамиды, раскрывает предельные параметры властвования в социуме, основанном на насилии. **Враждебная, взаимоубийственная нераздельность — так, мне кажется, можно в самом общем плане определить специфику русских взаимоотношений власти и населения.**

Самый главный итог подобной смертельной связки — опять же по результатам многолетних исследований Левада-центра — выработанная у населения способность адаптации к насилию в любых условиях. Аморальность населения. Это не означает, разумеется, что буквально каждый и каждодневно делает подлости. Но это значит, что практически каждый при определенных условиях готов их сделать. А власть, будучи совершенно независимой от населения и абсолютно никак не подконтрольной ему, «отвязалась» настолько, что стала уже (или осталась) вполне патримониальной. При Путине она окончательно обрела сегодняшнюю форму, основанную на частном владении и управлении государством как приватной собственностью — по примеру того, как землевладелец распоряжается своей вотчиной. Иначе говоря, власть превратилась в этакую Салтычиху во всероссийском масштабе, с триллионами в кубышке и к тому же размахивающую атомной бомбой. Дескать, знай наших. Патримониализм как форма организации социума пропитывает всю российскую политико-административную систему, которая формально строится на рационально-легальных отношениях

В первые годы после краха СССР реформы в России мыслились пришедшими тогда к власти людьми как замена советского устройства образцами организации (государственной, правовой, экономической, политической и т. д.), заимствованными у западных государств. И предполагалось как само собой разумеющееся, что в результате одной лишь такой замены мы обеспечим переход к обществу с представительной демократией, со свободной рыночной экономикой, к учреждению «социального государства». Но при этом отношение к западным образцам осталось примерно таким же, каким было отношение Петра I к устройствам голландских верфей или министерств: как к красивым побрякушкам, которые можно где угодно взять и куда угодно положить; конкретная форма не воспринималась как конечный результат длительной эволюции социального. Или как, например, у Солженицына. Он страстно ненавидел большевизм, неистово с ним боролся и тем самым заслужил безграничное уважение современников и вечную память потомков. Но он не увидел в ГУЛАГе итог длительной эволюции русского имперского насилия — и за подобную незрячесть получил награду от гэбэшника Путина и был удостоен пышных похорон «по первому разряду» от наследников русской империи

Из-за инертности российского населения, сохранявшего в массе своей сильнейшую зависимость от государства, и из-за слабости массовых общественных и политических движений Ельцин, стремясь удержать власть, в поисках опоры довольно быстро переориентировался и перевел свой взор с «масс» на «силовые» ведомства.

Структурные преобразования откладывались из-за их очевидной непопулярности, из-за этого же они так и не начались. По мере нарастания недовольства нагнеталось и насилие. 1993 г. — расстрел парламента, и 1996-й — фальсифицированные выборы президента на второй срок — символические события и даты обнажения ельцинского большевизма.

Путинское восьмилетие — с точки зрения особенностей постсоветской социальной динамики — годы окончательного утверждения авторитаризма на основе жажды «порядка» и потребности человека-массы в компенсаторном традиционализме.

Все это время последовательно и настойчиво велась дискредитация реформистских прозападных устремлений сторонников Ельцина, хотя они, подобные устремления, помимо многочисленных деклараций и некоторых официальных целеполаганий, так ни в чем и не воплотились. Но цель дискредитации была достигнута. Представив пришедших к власти с Ельциным «демократов» виновниками развала СССР и целого ряда кризисов 90-х годов (особенно — тяжелейшего кризиса 1998 г.), падения жизненного уровня населения, путинской власти удалось осуществить метаморфозу в сознании россиян, по существу своему вполне еще традиционалистском. Демократические модели политического устройства лишили привлекательности, понятия свободы,

прав человека снова оказались на задворках этого сознания. В противовес им режим выдвинул и внедрил идеи социального порядка, традиций великодержавного превосходства, православия и милитаризма. (Насколько далеки они от гитлеровского нацистского Ordnung'a или «корпоративного» фашистского государства Муссолини — отдельный вопрос для исследователя.)

Началась тотальная «зачистка» пространства, предназначавшегося для гражданского общества и для политики. Политические партии, негосударственные и общественные организации, независимые каналы на телевидении, система выборов, суды и правоохранительные органы как социальные сущности ликвидированы, а то, что на их месте осталось, превратилось в элементы властной Системы. Все, что сохранилось от партий, судов, прокуратуры, СМИ и общественных организаций, превратили в инструменты принуждения, в репрессивные органы, а также в средства решения экономических, административных и финансовых задач различных органов и организаций, банков, страховых компаний, маркетинга, политической и коммерческой рекламы.

Зачатки институтов гражданского общества власть ликвидировала в расчете на непрекращающийся поток нефтедолларов. Население страны при сырьевой, а не производительной ориентации государству не очень-то и нужно: население при наличии «трубы» и «золотого дождя» — всего лишь социальная обуза и потенциальная опасность. Предполагалось, что от населения в таком его качестве всегда можно будет откупиться, необязательно налаживать с ним отношения с помощью обычных институтов, присущих развитому гражданскому обществу.

Но начавшийся сейчас финансовый и экономический кризис радикально меняет и без того гнетущую ситуацию и обнажает уязвимость как всей стратегии путинского режима, так и созданного им способа властвования. Вместо ставшего уже привычным нефтегазового «золотого дождя» ускоряется отток капиталов из России. Сокращаются производства, начинается рост безработицы. Резко обостряются все так и не решенные проблемы здравоохранения, образования, жилья. При цене на нефть ниже 70 долларов, заложенной в бюджете, придется изымать ресурсы из населения — резервного фонда и золотого запаса надолго не хватит.

Как быть при всем при этом со стратегией создания единого фронта противостояния с Западом и с Америкой? Как управляться с населением, когда бедность охватывает 40 %, а 15–20 из этих сорока — фактические нищие? Больше 60 % наших сограждан живут в малых городах и селах. Именно здесь, на социальной периферии, по-прежнему доминируют государственно-патерналистские ориентации. У такого населения практически нет ни материальных, ни духовных ресурсов или социальных средств изменить свое положение, подняться из хронической депрессии.

Надо иметь в виду, что на всю эту хаотичную массу населения — постоянно беднеющего и пополняющего число безработных (Ленин в начале XX века говорил о «пауперизации пауперов»...), никак не структурированную политическими организациями и гражданскими формированиями — накладывается растущая едва ли не по экспоненте коррупция, которая господствует практически во всех сферах общества и на всех уровнях власти, включая — согласно многочисленным публикациям — самую высшую, во главе с президентом и премьер-министром. Коррупция — как одно из самых разрушительных следствий отсутствия структурно-функциональной дифференциации, специализации, современного социального устройства и современной общественной жизни.

«А может быть, ты скажешь мне, что при таких условиях жить невозможно. «Невозможно» — это не совсем так, а что «противно» жить — это верно».

Полтора столетия, минувшие с тех пор, как эти строки написал М.Е. Салтыков-Щедрин, Россия по-прежнему топчется на месте.

Движение, как известно, — жизнь. Отсутствие жизни — смерть. Сегодняшние «Бог, Царь и Отечество», олицетворенные Путиным, предлагают нам согласиться с тем, что общероссийская утренняя гимнастика («вставание с колен» под барабаны и фанфары) означает движение — то есть жизнь. И все им верят. С фигой в кармане. И с готовностью добить их, когда упадут.

Но упадем — все вместе.

На самом деле продолжать такую имитацию развития означает гарантировать очень скорый конец для того культурно-исторического феномена, который пока еще известен как Россия.